

К истории русской диаспоры в Японии

© 2010

А. Хисамутдинов

В статье излагается история русской диаспоры в Японии с 1858 г. до наших дней. Наиболее привлекательным местом для русских в Японии благодаря его географическому положению был остров Хоккайдо. Другие русские общины находились в Нагасаки, Кобе, Токио и Йокогаме. В статье освещаются главные направления деловой и общественной деятельности русских в Японии.

Ключевые слова: русская диаспора, общества, культура и кладбища в Японии, русские общины на Хоккайдо.

Русская эмиграция зародилась в Японии в 1918 г. и вначале не превышала несколько тысяч человек. Здесь не возникало серьезных разногласий с властями, как это было в других странах. Приют в русской миссии, помимо гонимых революцией и Гражданской войной бывших граждан Российской империи находили также священники, которые останавливались в Японии по пути в другие страны. Епископ Камчатский и Петропавловский Нестор, например, направляясь в Китай, переиздал в Японии свою книгу "Расстрел Московского кремля". Русские эмигранты находили среди японцев, особенно православных, немало настоящих друзей, искренне им помогавших. Особую роль играл протоиерей Токийского собора о. Семен Мии. Н. Матвеев (Н. Амурский) так вспоминал о нем: "В настоящее время пребывающие здесь русские эмигранты хорошо познакомились со страной, освоились с языком и могут, — по крайней мере, большинство из них, — обходиться своими средствами в разных случаях жизни. Не то, конечно, было в начале пребывания здесь... Они не могли вести никаких дел, даже самых маленьких, без посредников, причем платить за услуги большинство эмигрантов, по бедности, не могло. И вот, с самых первых шагов в Ниппоне, им шли на помощь друзья-ниппонцы, среди которых сразу же выделился С. Мии, который неизменно шел на помощь эмигрантам"¹.

Русская эмиграция в Японию была немногочисленной, но и она стремилась к объединению. В 1918 г. была основана одна из первых эмигрантских организаций — Русское общество в Японии (председатель полковник Н.В. Осипов, секретарь А.В. Серапинин), которое в основном занималось благотворительностью. К лету 1920 г. благодаря членам общества нуждающимся было роздано 20 тыс. иен².

В 1920 г. с новой, на этот раз массовой волной эмиграции, в Японию переместились колчаковцы. Больше всего русских жило тогда в г. Йокогама — около

Хисамутдинов Амир Александрович, доктор исторических наук, исследователь по гранту Японского фонда. E-mail: Amir.khisamutdinov@vvsu.ru.

300–400 чел. Русским эмигрантам в Японии было непросто найти работу. Хотя в те времена иностранцам не было принято заниматься неквалифицированным трудом, на местном рынке торговал пончиками бывший генерал-майор, да и многие другие находили заработок благодаря торговле, в основном, вразнос сукном или скобяным товаром. Некоторые торговцы по много лет объезжали на велосипеде торговые конторы, банки, где у них имелись постоянные клиенты. Русские эмигранты в Иокогаме основали Русское собрание, для которого арендовали дом. Там же разместилась и небольшая церковь, которую содержал отец П. Булгаков, долгое время живший в Японии. Его жена Софья Матвеевна, которая была родной сестрой известных владивостокских братьев-востоковедов Позднеевых, организовала школу для русских детей с изучением японского языка. В этой же школе преподавал и ее муж. Большую помощь уехавшим из России оказывал Дамский комитет собрания, который организовал склад одежды, которая распределялась среди нуждающихся.

Землетрясение 1 сентября 1923 г. причинило много разрушений в Иокогаме, а пожар уничтожил остатки домов. “Редкая русская семья, — вспоминал очевидец, — не потеряла кого-нибудь. Много людей погибло в большом 4-этажном, обложенном кирпичами строении, которое иногда называли “русским домом”, т.к. большинство его обитателей были наши соотечественники. Когда дом рухнул, то спаслись только несколько человек, успевших выскочить из нижнего этажа. Как это ни кажется странным, уцелел кое-кто из находившихся на самом верхнем этаже. Они спустились вместе со всем домом. В те дни было много работы отцу Петру, который неустанно читал молитвы на панихидах.

Чтобы собрать всех русских в Японии воедино, к концу 20-х годов был основан Объединенный комитет русских эмигрантских обществ в Японии (председатель С.В. Миронов), который включил в себя Общество эмигрантов на севере Японии, Общество эмигрантов в Кансай, представителя Российского общевойскового союза, Совет уполномоченных представителей генералов Дитерихса, Хорвата и Семенова. Самостоятельно продолжали работать Монархический союз и кирилловцы. В те годы организующую роль играл Русский национальный клуб в Токио, который арендовал большой трехэтажный особняк. В основном все эмигрантские организации в Японии занимались благотворительностью³.

Близость к России определила необходимость издания в Японии соответствующей литературы. В разное время здесь жили многие известные публицисты, журналисты и писатели русского зарубежья (С.Г. Гортинский (Г. Тинский), А.Я. Гутман (Анатолий Ган), Б.П. Лопатин (Б. Шуйский) и др.).

Первый начальник Дальрыбы и известный дальневосточный рыбопромышленник К.П. Лавров, уехав из Владивостока в 1920 г., основал в Японии несколько изданий, прежде всего журнал “Русский Дальний Восток”, вышедший в Токио в октябре 1920 г.— солидный, на хорошей бумаге, с множеством иллюстраций. Это был информационно-аналитический и научно-статистический ежемесячник на русском и английском языках. В журнале принимали участие многие известные ученые и экономисты русского Дальнего Востока. Одной из основных тем издания была рыбопромышленность, о которой писали К.П. Лавров, Е.Ф. Лебедев, Н.П. Матвеев и В.К. Бражников. Много материалов публиковалось о полезных ископаемых, что являлось наиболее притягательным для японских и иностранных предпринимателей. В начале 1921 г. из-за финансовых проблем журнал “Русский Дальний Восток” закрылся, но К.П. Лавров не успокоился и издал несколько интересных работ⁴. Затем он стал выпускать “Экономический вестник”, журнал,

посвященный экономическим взаимоотношениям России и Японии, первый номер которого увидел свет 1 января 1923 г. Его соредакторами были А.М. Окороков и Г. Горин. В журнале освещалась хроника российско-японской торговли. Он выходил два раза в месяц на русском и японском языках. Как редактор-издатель К.П. Лавров в 1929–1934 гг. издавал “Информационный бюллетень”, первый номер которого вышел 1 октября 1929 г. в Токио. В нем давался еженедельный обзор японской прессы, включающий анализ экономических взаимоотношений СССР и Японии. Ценным было то, что журнал публиковал библиографию и справочные материалы.

Одним из серьезных изданий был “Голос Японии: орган японо-русского политико-экономического сближения”, выходивший на русском и японском языках. Этот журнал издавал Японо-русский клуб в лице постоянного директора-распорядителя, он же директор-издатель, Моридзи Уеда, который хорошо знал русский язык и неоднократно бывал в России. Заведующим русским отделом журнала был П. Серый-Сирек. Весной 1926 г. в Токио стал выходить на русском и японском языках “Торгово-промышленный бюллетень: дальневосточный еженедельник, посвященный экономическим взаимоотношениям стран Дальнего Востока”.

Известным деятелем русской диаспоры в Японии был журналист Г.И. Чертков, который в феврале 1923 г. организовал Информационное бюро, издававшее еженедельные бюллетени “Сунтоа Цусин: Еженедельное русское издание (обзоры японской прессы по русским вопросам)”. В сентябре 1929–1930 гг. эти бюллетени на русском и японском языках стало выпускать издательство Синтоа-кай, ответственный редактор Дзиро Нийдзума⁵.

Российские эмигранты немало сделали для изучения Японии. Одним из самых известных японоведов русского зарубежья был М.П. Григорьев. Живя в Токио, он с 1921 по 1930 гг. преподавал русский язык в академии Генерального штаба, одновременно с 1928 г. работал в компании “Кита Карафуто”. Григорьев был женат на японке и имел двух дочерей⁶. Он увлекался поэзией и переводил на японский язык стихи А. Ахматовой. В Токио он был редактором-составителем сборника “На Востоке”, издание которого осуществлял Кружок русских эмигрантов в Японии. Помимо Григорьева в сборнике были опубликованы работы Н. Амурского, П.П. Петрова, Г.И. Черткова, В.П. Бубновой и др. Авторы сборника впервые перевели на русский язык некоторые произведения японских авторов (А. Рюноскэ и др.). Сборник прекратил существование из-за разногласий в политике издания и последующего раскола среди членов кружка. В 1939 г. М.П. Григорьев уехал в Маньчжурию. О причине отъезда вспоминала В. Бубнова: “Мы уговаривали его остаться здесь в Токио, доказывая преимущества жизни в культурном центре. Во время одного из таких споров выяснилось, что для Михаила Петровича русская атмосфера была неразрывно связана с русской церковностью, которой ему недоставало в Ниппон”⁷.

В истории русского Дальнего Востока имя Н.П. Матвеева занимает особое положение. Как журналист, литератор и издатель он сделал многое в русском японоведении⁸. В годы гражданской войны Матвеев был вынужден срочно перебраться из Владивостока в Японию. По пути он побывал в Николаевске-на-Амуре по горячим следам зверств банд Тряпицына и постарался описать увиденное и услышанное. В Японии Матвеев продолжил активно заниматься журналистикой, был представителем журнала “Русский Дальний Восток” в г. Осака, писал статьи в американские издания, публиковал детские книги. “Живя в Кубе, — писал

Матвеев, — я, естественно, лучше знаком с жизнью русских во втором районе Кобе, Осака и Киото. Здесь русских граждан около 400 человек. Больше всего было русских, за ними шли татары, евреи и другие. Главнейшие занятия эмигрантов в Японии — торговля из магазинов и в разнос, ремесла, коммиссионная деятельность, служба в иностранных и японских предприятиях и, наконец, артистическая деятельность, музыка, пение, танцы, цирковая работа и пр.”⁹. Одним из самых крупных русских предпринимателей в Японии был Ф.Д. Морозов, который открыл кондитерскую фабрику.

Кобе был одним из городов, где имелась многочисленная русская община. Первое время здесь действовало Общество русских эмигрантов в Японии, в которое вошло и Общество взаимопомощи русских эмигрантов на о. Хоккайдо, основанное 15 февраля 1929 г. (председатель правления Р.С. Потапов, секретарь Д.Ф. Карежатков, ревизионная комиссия — В.А. Дударев, П.Н. Леонтьев и К.Ф. Старухин, 20 членов). Впоследствии здесь существовало девять русских общественных организаций. Наиболее крупными были Эмигрантское объединение, Благотворительное дамское общество, Хоровая студия, Приходской совет Успенно-Богородицкой церкви и Сестричество. Самым основательным из них считалось Эмигрантское объединение, которое насчитывало около 30 чел. и оказывало большую помощь бежавшим из Советской России, переправляя их в Маньчжурию. Оно помогало деньгами русским школам, организовывало детские утренники, создавало кружки молодежи, которые, правда, оказались недолговечными. Основной деятельностью Эмигрантского объединения была выдача денежных ссуд своим членам. Общее собрание проходило обычно один раз в год. Деятельно работало и Дамское благотворительное общество, которое возникло в 1932 г. Первым председателем его была К.В. Компанион, за ней — А.В. Борисова, затем К.А. Щелкова. Организация существовала на членские взносы и пожертвования. В основном они шли на единовременные пособия инвалидам, организацию их переезда в Харбин¹⁰.

В 1936 г. по инициативе приглашенного из Харбина регента Успенно-Богородицкой церкви К.А. Андреева была создана хоровая студия. Андрееву удалось организовать любительский хор из местных эмигрантов. Впервые они удачно выступили на вечере памяти А.С. Пушкина. Хор постоянно принимал участие в детских утренниках. Как и другим общественным организациям, хору часто не хватало денег и согласно общей практике приходилось обращаться за помощью к иностранным благотворительным организациям.

В 1930-е гг. в Японии был очень популярен русский театр. В Кобе несколько лет работала театральная контора Б. Андреева, которая организовывала гастрольные поездки по стране русских артистов из Китая и Америки. Пользовалась широкой известностью труппа Андреева “Metro-Variety”, которая состояла из четырех сестер Данилевских, дуэта Дворжек (арфа и скрипка) и итальянских певцов¹¹.

В сфере искусства проявлял себя и созданный в 1929 г. Кружок русской эмигрантской молодежи в Кобе. В него входило около 20 чел., которые поставили несколько просветительских концертов и спектаклей. Большую помощь им оказало Общество русских эмигрантов в Японии. Кружок имел собственный струнный оркестр. Не редкостью среди эмигрантов были вечера самообразования, на которых собравшиеся занимались литературой и живописью. 10 февраля 1937 г. русские в Кобе торжественно отметили столетие со дня смерти А.С. Пушкина. Для литературно-вокального вечера был арендован огромный зал Кайим-канкан,

где собрались не только русские, но и почти вся иностранная колония города, а также и японцы — любители творчества знаменитого поэта. Большой доклад о жизни и творчестве А.С.Пушкина сделал А.Л. Ломаев. Свое “Слово о Пушкине” прочитал Н.П. Матвеев. После этого звучали стихи, пел русский хор, и были поставлены две сцены на пушкинские мотивы: “Келья в Чудовом монастыре” и “В корчме”¹².

Свой вклад внесли эмигранты и в развитие науки. 2 июня 1937 г. скончался П.П. фон Вейрман, некогда профессор Санкт-Петербургского горного института и первый ректор Уральского горного института в Екатеринбурге. Оказавшись в Японии, он около десяти лет руководил химической лабораторией, преподавал в университете в Киото. Его изобретения и открытия нашли применение в японской промышленности, статьи публиковались в зарубежных научных журналах¹³.

Немало сделали российские эмигранты и для того, чтобы в Японии познакомились с искусством России. Большое влияние оказала русская музыка на японского композитора и дирижера Косака Ямада. Впервые он побывал в России в 1914 г., заехав в Москву из Германии, где закончил императорскую академию в Шарлоттенбурге. Впоследствии композитор вспоминал: “Однажды на вечеринке у артистов 1-й студии Московского Художественного театра кто-то из гостей-студентов сел к роялю и заиграл... Я не знал, что он играет — я никогда раньше не слышал этой музыки, но странное чувство охватило меня... Студент играл как раз то, что звучало во мне... Эти звуки были понятней и ближе, нежели все то, что я слышал до этого вечера. Приступив в 1924 г. к формированию симфонического оркестра для токийской филармонии, я решил пригласить русских музыкантов и с этой целью приехал в Харбин. Но стихийное бедствие 1824 г. нарушило мои планы. В 1925 г. вторично с этой же целью приехал в Харбин и, при любезном содействии председателя местного союза “Рабис” г. Грицай, пригласил лучших музыкантов Харбина, а также выписал кое-кого из Киева и Москвы”¹⁴. После этих концертов внимание японских меломанов переключилось от европейской музыки к русской. Третий раз японский музыкант побывал в Харбине в феврале 1931 г. Он заехал по пути во Францию, куда его пригласил директор Русской оперы М. Бенуа.

Большой популярностью пользовался в 1938 г. скрипач Е. Крейн, окончивший Московскую консерваторию. Артист выступал на концертах со своей женой — певицей Китадзава Сакай, которая с успехом исполняла оперные партии, в том числе арии Чио-чио-сан из оперы “Мадам Батэрфляй”. Крейн имел среди японцев много учеников (Тудзи Хисако и др.). “Как педагог, — писал журнал “Рубеж”, — Е. Крейн зарекомендовал себя тоже с лучшей стороны: ученики отмечают ровный, спокойный характер своего преподавателя, его готовность в любой момент, не считаясь с недостатками времени, самому показать ученику всякий не удающийся пассаж, и считают его метод преподавания очень удачно разработанным, благодаря чему ученикам легко воспринимать искусство скрипичной музыки”¹⁵.

Японские артисты охотно участвовали в русских труппах, перенимали опыт знаменитых мастеров. “Говоря об артистической работе в Японии для европейцев, — писал один журналист, — следует отметить, что японские предприниматели за последнее время стали явно игнорировать европейских артистов и свободно заменяют их японцами, вполне постигшими мудрость европейской хореографии”¹⁶. Это не касалось русских артистов-эмигрантов из Китая. Балерина

Нина Всеволодовна Панченко-Кожевникова начала карьеру актрисы в харбинском Железнодорожном собрании. Затем она участвовала в Русском балете Н.М. Сокольского, с которым в 1936 г. гастролировала по Японии. Об этой шанхайской труппе артистка вспоминала «с любовью, с грустью замечаю, что таких организаций в рассеянии русской эмиграции было очень и очень мало. Жизнью этой организации руководили балетмейстеры Н.М. Сокольский, Н.А. Князев, замечательная преподавательница и прима-балерина англичанка Одри Кинг и Ф.Ф. Шевлюгин. В ведущих мужских ролях выступали Ф. Шевлюгин, Н. Светланов, а позднее и талантливый японский танцор Комаки Масахиде [основатель классов балета в Японии. Автор четырех книг, где вспоминал об истории сотрудничества с русским балетом]»¹⁷.

Несколько раз гастролировала по Японии балерина Л.Н. Андерсен. О своих впечатлениях она писала: «Чтобы мы имели возможность увидеть во всей красе цветение вишен, дирекция дала нам несколько свободных дней, в которые мы успели осмотреть и старинный Киото, с его узкими торговыми улицами, пестреющими тканями и очаровательными безделушками, и парком, наполненными яркими пятнами кимоно и цветных фонариков, и Нара, этот прелестный город, наполовину занятый парком, в котором высятся темные потрескавшиеся храмы, и совсем ручные олени бродят среди тысячелетних сосен; и Тикарадзука с его знаменитым театром, поразившим нас художественностью постановок и грациозной техникой»¹⁸. Весной 1938 г. Л. Андерсен снова поехала в Японию с гастролями в составе труппы «Харбин-шоу». Артисты побывали в семи городах Японии: Токио, Иокогама, Осака, Киото, Кобе, Нагоя и Хиросима. Обилие восточной кухни вдруг вызвало у русских артистов желание поесть московской колбасы. Им повезло в Иокогаме, где жило много русских. Там харбинцам запомнились блины в ресторане Власова. С большим количеством впечатлений Андерсен увезла свою фотографию в старинном японском кимоно и любовь к искусству этой страны. «Но все-таки, — писала она в «Рубеже», — ни с чем не сравнимое очарование — это ниппонские национальные танцы! Это неподражаемая мягкая грация, выработанная веками и присущая только этим хрупким существам с кукольными головками, эти примитивные и бесконечно изящные движенья, мельканье зонтиков, вееров, и над всем и повсюду — цветы, целое море цветов и, конечно, традиционная, любимая вишня, это радостная избранница ниппонской весны...»¹⁹.

Наиболее известной русской балериной в Японии была Елена Павлова, которая имела собственную студию. Показательные выступления ее учеников всегда собирали много публики²⁰. С огромным триумфом прошли гастроли по Японии известного русского певца Ф. Шаляпина. Все концерты проходили с аншлагом, не было ни одной японской газеты, которая не писала бы о нем²¹. Триумфально выступив в Токио в феврале 1936 г. великий певец дал концерты в Нагоя и Осака.

Без сомнения, русские эмигранты внесли наибольший вклад в преподавание русского языка. Многие из них работали преподавателями в школах и университетах Японии. Почетное место в этом списке занимают А.А. Ванновский, Г.Г. Подставина и многие другие. Они оставили после себя множество благодарных учеников.

Русская диаспора не забывала и о своем подрастающем поколении. Русская церковь помогла и с открытием школы для выходцев из России. Первое время ее содержало Свято-Никольское православное братство. Заведующей школой

и преподавателем по русскому языку и общеобразовательным предметам была М.А. Балыкова, японский язык вел И.А. Сенума, окончивший Киевскую духовную академию, английский — С. Мартэн. Ученики принимались с 11 до 13 лет, они делились на два класса, обучение велось по индивидуальной программе. “С сожалением должен отметить, — писал один эмигрант, — что не все озабочены тем, чтобы их дети не забыли русский язык. Много детей отдано в иностранные школы, а многие просто предоставлены себе. Этим родителям нужно подумать о своих детях: в Россию вернемся через 2–3 года, может быть, через пять лет, но вернемся! Что скажут нам наши дети, о будущем которых мы не подумали? Не будет ли для них жизнь тяжелой драмой из-за незнания своего родного языка? Знаете ли вы, родители, что русский человек, почти единственный, не поддающийся ассимиляции... Рано или поздно голос крови заговорит — потянет на Родину. Так вот, вы должны подумать об этом, дать возможность вашим детям сейчас же слиться со своей Родиной, как только их нога ступит на Русскую землю. Не делайте из них чуждых пришельцев, не знающих или забывающих свой родной язык!”²².

Собирая средства на школу, Свято-Никольское православное братство время от времени устраивало благотворительные вечера. “Приветствуя стремления Братства, — писала газета “Синтоа Цусин”, — мы искренне желаем скорейшего выполнения намеченных мероприятий. наших русских и японских читателей призываем к содействию и просим всех посетить устраиваемый братством концерт. Не надо забывать, что дети — цветы жизни. Русские дети в вихре революционных событий временно утратили свою Родину, но они должны сохранить свою национальность, должны получить национальное воспитание и образование. Мы обязаны помочь им в этом. В этом залог дружбы между японским и русским народами”²³.

23 февраля 1936 г. в Токио было построено здание Русского национального начального училища им. А.С. Пушкина. Землю для постройки дома предоставила Русская православная миссия в Японии. Затраты на строительство составили 4 тыс. иен. Несмотря на сильный снегопад, многие русские из Токио и Иокогамы собрались на освящение здания. “После официальной части торжества, — писал токийский корреспондент “Рубежа”, — Родительским комитетом была предложена собравшимся чашка чая, за которой присутствующие делились радостью — иметь собственное помещение для школы, и строили планы дальнейшего содействия токийскому уголку родной национальной культуры”²⁴.

Школа постепенно выросла из трехклассной в семиклассную. Директором школы был бывший генерал-майор П.П. Петров, учителями работали Богданов и Павлов. Программа большое внимание уделяла преподаванию английского и японского языков. В школе училось в это время 22 чел. Русские дети уже с 3–4 лет прекрасно говорили по-японски. Для мальчиков были введены занятия по переплетному делу, с девочками занимались рукоделием.

Начало второй мировой войны резко осложнило жизнь русской диаспоры в Японии, многие и так потеряли в бомбардировках почти все, что имели. Большинство было арестовано. “Особенно русским пришлось тяжело в смысле питания. Во время войны японцы мало обращали внимания на русских, и нашим соотечественникам приходилось сидеть впроголодь. После капитуляции Японии американские власти пошли навстречу русским и стали выдавать им пайки пищевыми продуктами, и довольно приличные, и русские были очень благодарны американцам за их помощь в трудную минуту”²⁵.

В то время обострилась идеологическая борьба среди русской эмиграции. Одни под влиянием пропаганды получили советские паспорта, другие же провели ряд шумных манифестаций. С получением новых иммиграционных квот в США деятели эмиграции и их семьи покинули Японию, и общественная жизнь русской эмиграции там окончательно заглохла.

1. *Амурский Н.* Друг русских эмигрантов в Ниппоне // Рубеж. Харбин, 1938. 27 авг. С. 4.
2. Дело России. Токио, 1920. 2 июня.
3. *Никитин Д.В.* 1 сент. 1823 г. // На берегу и в море: Сб. рассказов и очерков. Сан-Франциско, Б.г. С. 265.
4. *Оргинский Г.* Успех русского бала в Иокогаме // Рубеж. 1936. 1 авг. С. 10.
5. Напр.: *Лавров К.П.* Пушной промысел на русском Дальнем Востоке: Очерк. Токио, 1923. 30 с.: рис.
6. University of Hawaii. Hamilton Library: Coll. (From Slovanska Kninovna, Prague National Library) P. Polansky.
7. Памяти Михаила Петровича Григорьева // Вост. обозрение. Дайрен, 1943. Июль—сент. (№ 6). С. 175.
8. *Бубнова В.* Памяти Михаила Петровича Григорьева // Вост. обозрение. 1943. № 6. С. 197.
9. В частности: [*Амурский Н.*] Японцы во Владивостоке и Приморской области: Японское население в крае // Сиб. сб.: Прил. к газ. "Вост. обозрение" за 1899 г. Иркутск. 1990. Вып. 2. С. 60–66.
10. *Амурский Н.* Русские в Ниппоне // Рубеж. 1938. 19 февр. С. 7–9.
11. *Амурский Н.* Дружно на помощь бедноте! // Рубеж. 1937. 12 июня. С. 19: фото.
12. Русское искусство в Японии // Рубеж. 1930. 15 февр. С. 19.
13. *Шаляпин Ф.* Русский пушкинский вечер в Кобе // Рубеж. 1937. 6 марта. С. 16.
14. *Амурский Н.* Памяти большого русского человека // Рубеж. 1937. 24 июля. С. 19.
15. *Юлиан К.* Первый композитор Страны восходящего солнца // Рубеж. 1931. 23 февр. С. 14.
16. *Шляпин А.* Волшебство музык // Рубеж. 1938. 16 апр. С. 15.
17. *Яппу.* Выступление русских артистов за полгода // Синтоа Цусин. 1930. 20 апр. С. 13.
18. *Ратова (Тюрина) Т.* Прима-балерина Нина Кожевникова // Друзья от друзей. Австралия, Б.г. С. 55–58.
19. *Андерсен Л.* Русский балет в стране вишни // Рубеж. 1936. 4 июля. С. 20.
20. *Андерсен Л.* Когда цветет сакура... // Рубеж. 1938. 4 июня. С. 12–13: фото.
21. *Яппу.* Выступление русских музыкальных сил за полгода // Синтоа Цусин. 1936. 20 апр. С. 13.
22. *Муратов Б.* Шаляпин чарует Ниппон: новый триумф русского гения // Рубеж. 1936. 22 февр. С. 5.: фот.; *Юрин А.* Шаляпинские антракты в Токио // Рубеж. 1936. 29 февр. С. 10 и др.
23. Друг детей. Русская школа в Токио // Синтоа Цусин. 1930. 23 февр. С. 8.
24. Деятельность русских эмигрантских объединений в Японии // Синтоа Цусин. 1930. 13 апр. С. 11–12.
25. *Оргинский Г.* [*Чертков Г.И.*] Русские в Токио — со своей школой // Рубеж. 1936. 26 марта. С. 14.
26. *Котляров А.П.* Вести о жизни русских в Токио: (Из писем рядового американской армии) // Новая заря. 1946. 13 февр.